Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 20–42
Tomsk State University Journal of Philology. 2023. 85. pp. 20–42

Научная статья
УДК 808.56
doi: 10.17223/19986645/85/2

Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила

Екатерина Вадимовна Иванцова[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ekivancova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются состав формул речевого этикета и особенности их употребления диалектной языковой личностью сибирской крестьянки. Анализ формул этикетной рамки и этикетных вкраплений дискурса типичного представителя традиционной народно-речевой культуры позволяет выявлять черты носителя этой культуры, систему его ценностей, ментальные характеристики. Исследование опирается на архив записей спонтанной речи, собранный методом включения в языковое существование информанта.

Ключевые слова: формулы речевого этикета, народно-речевая культура, диалектный дискурс, диалектная языковая личность, среднеобские говоры, культурно-языковой ландшафт

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042 «Социокоммуникативное пространство трансграничья: факторы формирования культурного и языкового ландшафта Сибири».

Для цитирования: Иванцова Е.В. Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 20–42. doi: 10.17223/19986645/85/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/2

Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident

Ekaterina V. Ivantsova[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekivancova@yandex.ru*

Abstract. The article aims at analyzing the formulas of speech etiquette as part of the study of the speech culture of dialect speakers of the Middle Ob region. The analysis of these formulas was carried out using the methods of linguopersonology – through the study of the speech of a specific language personality, typical for a given society. The material is the author's archive of discursive recordings of the spontaneous speech

© Иванцова Е.В., 2023

of a Siberian peasant woman (about 10,000 printed pages), made over 24 years by the method of inclusion in the speaker's linguistic existence. Information letters addressed to close friends were also used as additional material. The author described the set of speech etiquette formulas included in the lists of the most important etiquette situations of the Russian language, as well as functional features of the formulas; considered the system of etiquette linguistic tools in the discourse of the language personality as part of the etiquette frame that organizes communication (greeting, introduction, address, farewell), and etiquette inclusions that perform the function of maintaining the rules of communicants' speech behavior (request, gratitude, apology, forgiveness, invitation, wish, congratulations, agreement, disagreement, sympathy, praise). In each case, the variants of designations of one or another inclusion were correlated with different discursive spheres and communicative situations. The system of etiquette formulas of a typical dialect language personality reflects many features of the cultural and linguistic landscape (in the broad sense, including by definition the base of local dialects, oral speech and the speech culture of their speakers, onomastic elements, and a number of other components) of a Siberian old-residents' village. The prevalence of all-Russian formulas of speech etiquette over dialect ones in the studied material indicates the features of the dialect of secondary formation in contrast to native dialects. Linguo-personological discourse analysis allows us to draw conclusions about the specifics of the discourse stylistic stratification: the dominant style is everyday-life speech, with the presence of high style and the absence of official-business style. Some etiquette formulas preserve pagan and Christian motives, which indicates that elements of the traditional worldview of Siberian old-residents are preserved. Etiquette formulas in the discourse of a typical representative of traditional folk speech culture reflect the system of such values of the peasant world as health, food, family, one's own economy, prosperity, and friendly communication.

Keywords: speech genre of request, folk speech culture, dialect discourse, dialect language personality, Middle Ob dialects, cultural and linguistic landscape

Acknowledgments: The study was performed as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ivantsova, E.V. (2023) Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 85. pp. 20–42. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/2

Введение

Речевой этикет (РЭ) как важный элемент этики социума все более интенсивно привлекает внимание исследователей как междисциплинарный объект изучения социолингвистики, стилистики, культурологии, теории коммуникации, дискурс-анализа и других дисциплин. Исследование РЭ – части более общего понятия «этикет» – значимо для выявления специфики национальной ментальности и системы ценностей, совершенствования культуры речи, воспитания высокоразвитых языковых личностей.

Изучение речевого этикета в русистике начинает разрабатываться в последней трети XX в. в работах В.Г. Костомарова, Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, И.А. Стернина и др. В XXI в. способствовали развитию данного направления формирующиеся коммуникативная и контрастивная

лингвистика, теория дискурса, лингвокультурология, генристика, лингводидактика (А.Г. Балакай, Т.В. Тарасенко, А.А. Зубарева и др.). В то же время нет единого мнения относительно границ области описания РЭ (от широкой до узкой), разные формы национального языка изучены непропорционально. Анализируется, как правило, материал литературного языка (чаще всего в художественных текстах), слабо изучено своеобразие РЭ в некодифицированных типах речевой культуры, выделенных Н.И. Толстым [1].

Особую значимость представляет крестьянская народно-речевая культура, являющаяся субстратом современного русского литературного языка. В этой области речевой этикет диалектоносителей исследован пока фрагментарно как по составу языковых средств, так и по отдельным регионам европейской части России [2–5 и др.].

В сибирских говорах этикетные элементы дискурса ранее не исследовались. В рамках комплексного лингвоперсонологического описания феномена диалектной языковой личности (ЯЛ) сибирского старожила начата разработка коммуникативного аспекта ее речи [6–12].

Настоящая статья отражает фрагмент его изучения, посвященный формулам речевого этикета (ФРЭ). Этикетные формулы анализировались с применением методов лингвоперсонологии – через исследование конкретной языковой личности, типичной для данного социума. Таким объектом стала речь коренной жительницы с. Вершинино Томской обл. В.П. Вершининой (1909–2004), яркого представителя русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Дискурс исследуемого информанта репрезентирует черты изучаемого культурно-языкового ландшафта, который в широком смысле включает базу местных говоров, речевую культуру их носителей, ономастическую систему и ряд других составляющих [13]. Материалом послужил авторский архив дискурсивных записей спонтанной речи информанта (в расшифровке – около 10 000 печатных страниц), сделанных на протяжении 24 лет методом включения в языковое существование говорящего. В качестве дополнительного материала привлекались также немногочисленные письма крестьянки, адресованные близким знакомым.

В ряде работ РЭ трактуется как «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения» [14. С. 354]. Этот кодекс речевого поведения диалектной ЯЛ реконструировался с опорой на метатекстовые фрагменты дискурса и некоторые паремии, в которых отражаются поведенческие нормы [11]. В диссертационном исследовании Н.Г. Тырниковой, где ставилась проблема соотношения этикетных элементов структуры русскоязычного и англоязычного разговорного дискурса [15. С. 3], автором были выделены в структуре устного, непринужденного дискурса этикетная рамка, этикетный каркас и этикетные вкрапления. К основным элементам этикетной рамки дискурса относятся обращения, приветствия и прощания. Рамка «организует общение, задает и проявляет характер взаимоотношений между коммуникантами, способствует успешному установлению и размыканию контакта» [15. С. 3]. Этикетный

каркас дискурса через реплики коммуникантов выполняет функцию создания и поддержания вежливого, неконфликтного, комфортного общения. Третий компонент структуры дискурса – этикетные вкрапления: «отдельные этикетные минидискурсы или фрагменты дискурса с этикетным содержанием (просьбы, извинения, благодарности и др.)» [15. С. 5]. В отличие от двух предыдущих компонентов структуры дискурса, они не обязательны и «их употребление определяется ситуацией и целями общения» [15. С. 5]. Описанное структурирование основано на идеях работ Н.И. Формановской [16] и В.Е. Гольдина [17].

Этикетные языковые средства дискурса В.П. Вершининой будут рассмотрены в составе этикетной рамки и этикетных вкраплений – представляется, что и в том и в другом случае такими средствами являются формулы речевого этикета, различающиеся функционально. Что касается этикетного каркаса дискурса, то, на наш взгляд, диалогическое взаимодействие коммуникантов отражает лишь некоторые модели поддержания и развития общения, но они не закреплены в виде этикетных формул, под которыми понимаются «разноуровневые языковые единицы (полнознаменательные словоформы, слова неполнознаменательных частей речи – частицы, междометия), словосочетания и целые фразы, принятые в определенных ситуациях, в разных социальных группах» [14. С. 354]. Эти коммуникативные стратегии и тактики в диалоге диалектной ЯЛ описаны О.А. Казаковой [6. С. 120–121]. Их краткая характеристика не связана напрямую с правилами РЭ и потому не будет затрагиваться в статье.

Итак, перейдем к анализу стандартных коммуникативных ситуаций, в которых ФРЭ способствуют установлению межличностных контактов.

Формулы этикетной рамки установления коммуникативного контакта

Приветствие

Приветствие – одна из наиболее значимых формул речевого этикета. С его помощью устанавливается контакт между коммуникантами, определяются отношения между ними. «Неисполнение ожидаемых знаков речевого этикета в ситуации встречи (отсутствие приветствия) воспринимается сельскими жителями как нарушение принципа вежливости и оценивается неодобрительно» [18. С. 180].

Наиболее частотно в дискурсе информанта общерусское приветствие *здравствуй(те)*. Оно используется при общении с собеседниками независимо от их возраста, пола, образования и степени знакомства: *Т.В [подруга, соседка:] Здрасьте. В.П.* ***Здравствуй;*** *А Саша [мальчик, родственник] заходит: «Здравствуй, баба Вера». Я говорю: «****Здравствуй****, Саша»; Прихо****д****ит ко мне он, Шыла'мов [немолодой односельчанин, бывший управляющий] этот самый. «Здравствуй, Вера Прокофьевна». – «****Здрастуйте****, Григорий Степаныч. Садитесь, садитесь».* Наряду с основной формой приветствия

зафиксированы формальные варианты с редукцией отдельных звуков, встречающиеся и в разговорной речи носителей литературного языка, они более редки: [Девочка-односельчанка:] В.П. **Здрасьте**; С. Драсьте! В.П. **Дра'ствуйте.** Приехали?; [Пришла молодая родственница.] В.П. **Дра'сьте.** Иди суда![1]

Как можно видеть, встретившиеся обмениваются приветствиями в диалогическом единстве. Порядок приветствия определяется двумя факторами: возрастом коммуникантов и их ролью в общении (гость/хозяин). С их учетом исследуемая личность как старшая чаще отвечает на приветствие, чем инициирует его; она всегда здоровается первой, приходя в чужой дом, независимо от возраста хозяев.

Диалектно-просторечная ФРЭ *здоро'во* и собственно диалектная *здоров был* (изменяемая по роду и числу с учетом пола и количества коммуникантов) употребляются информантом только при общении с односельчанами: П.М. Здравствуйте. В.П. **Здоро'во;** [Подруге, пришедшей в гости:] **Здор'ова была;** [Мужчине:] **Здоров был!;** А я говорю, пришла [к односельчанам]: «Ну **здоро'вы были**». – «Здоро'вы». Ну чё, то да друго'. – «Как живёте?» – Да ничё». В коммуникации с незнакомыми людьми и горожанами (в том числе – с близко знакомыми диалектологами-собирателями) эти языковые единицы не зафиксированы.

Обращение

Н.И. Формановская определяет обращение как начало включения контакта с собеседником [19. С. 62], хотя, на наш взгляд, начало контакта маркируется, прежде всего, приветствием. Если оно адресовано знакомым людям, обращение может дополнять приветствие или опускаться (см. примеры выше). Исследователь подчеркивает, что обращения функционируют в виде многочисленных номинаций: антропонимов, именований родства, социальных отношений, профессиональных маркеров и др. [19. С. 62].

Стандартные формулы этикетных обращений с апеллятивами в дискурсе диалектной ЯЛ немногочисленны. Их круг довольно узок: в него входят некоторые обозначения лиц по полу и возрасту (*[к пожилым односельчанкам:] Давайте, садитесь,* ***девочки!****; [к собирателям:] Айда', **девки**, чай пить*); *[к молодым мужчинам:] «**Ребята**, – я говорю, – шесь часов! Давайте собирайтесь, ступайте, Юре же на работу»)*; наименования родственных связей *([вспоминает детство:] И после еды опе´ть молимся Богу.*

[1] Расстановка знаков препинания в контекстах не всегда совпадает с пунктуационными правилами, поскольку отражает особенности интонационного членения текста (наличие/отсутствие пауз в речи). При передаче диалогических фрагментов дискурса реплики диалектоносителей обозначены инициалами, реплики собирателей материала и комментарии даны в квадратных скобках. Связные фрагменты речи в примерах отделяются точкой с запятой, сокращения контекста обозначаются знаком «~».

«Спасибо, ***тя'тя, мама!»; Кума****, ты поешь пирожок-то, о'споди!; Как мамина сноха она была раньше, мы* ***«тётя Нюра»*** *звали её - всё так говорили.*

При этом многие этикетные апеллятивные обращения, широко представленные в литературной речи (см. [20. С. 592–610]), исследуемой ЯЛ не используются. Например, в дискурсе диалектоносительницы имеют место лексемы *женщина, мужчина, сестра, сын, брат,* но вокативные формы от них не выявлены. Как правило, их заменяют имена и/или отчества знакомых ей лиц – выбор антропонимических форм также определяется этикетными нормами с учетом возраста, родственных связей, статуса коммуникантов, ситуации общения (см. подробнее [21]). Так, молодого сельского фельдшера крестьянка «за глаза» называет *Ирой* и даже *Иркой (И тут фе´ршалом послали* ***Иру****, суды´ работать её направили; И вот это, боль и боль лю´та, боль прямо… ~ Вчара' пошла к Ане, и говорю: «Позовите хоть* ***Ирку****, пусь посмотрит она»)*, но при личных контактах – по имени-отчеству, иногда сбиваясь на форму неполного имени: *А у вас нету,* ***Ира Владимировна****, этого, «звёздочки»?; Я говорю: «****Ира****, у меня никакого пенцилли'на не было».*

И.А. Стернин отмечает, что «в русском речевом этикете обращения по должности, профессии и занимаемому положению употребляются очень ограниченно» [22. С. 46]. Это утверждение подтверждается на нашем материале.

При обращении к адресату в диалогическом общении используется в качестве отклика вопросительная частица *оу: С: Кума! В.П. О'у?; С:Баб Вера! В.П. О'у?*

В единичных случаях наблюдаются окказиональные обращения с коннотативными компонентами: *[Родственнице, которая ушла куда-то надолго:] Ты куда ушла-то? [шутливо:]* ***Беглянка,*** *куда скрылась?; [собирателям, любовно:]* ***Дорогу'шечки мои****…; [увидев приехавшую к ней из города старую подругу, всплескивает руками и радостно говорит:]* ***Солнце моё кра'сно!***

При обращении к близким коммуникантам диалектоносительница нередко использует словосочетания оценочных прилагательных (в том числе ласкательных), иногда с именем и местоимением *мой*: *А я-то ей не пишу. А этот раз Вале: «Пиши ты,* ***моя хоро'ша****, пиши ты,* ***моя дорогая****!»; И сахарок заодномя' захвати,* ***Катенька, миленька, до'бренька.***

В ряде работ наряду с обращениями рассматриваются как примыкающие к ним нейтрально-вежливые формулы привлечения внимания типа «Будьте добры, как пройти…», «Простите, вы не скажете…» и т.п. [20. С. 592–610; 22. С. 37]. В речи исследуемой ЯЛ формулы второго типа очень редки[1]. Таким образом, для диалектного дискурса характерна персонализированность коммуникации.

[1] Такой пример (*Вы меня извините…*) приведен ниже.

Знакомство

Большинство лиц, с которыми вступает в коммуникативный контакт исследуемая личность, ей хорошо известны: в их числе родственники, односельчане, давние знакомые из областного центра и окрестных сел, время от времени приезжающие погостить. В связи с этим эпизоды знакомства в дискурсе информанта достаточно редки; соответственно, немногочисленны и ФРЭ, связанные с ситуацией знакомства. При общении с незнакомыми людьми крестьянка обычно выясняет, как зовут собеседника: *Я говорю [печнику]: «**Как вас звать-то?**» – «Лексе'й… Николаич». – Ну, я «Лексе'й Николаич» его… [стала звать]. Я: «Ну вот сколько будет стоить печку разобрать?».*

Если приезжие при знакомстве называют себя только по имени (обычно это молодые диалектологи), информант уточняет неизвестное ей отчество. В таких случаях в вершининском говоре используются два варианта, где диалектные лексемы употребляются как заместители неизвестного отчества: *Наталья **че'вна? Ба'тьковна*** или ***Как вас дра'знют-то?***

При недолгом общении в прошлом, не закрепившемся в памяти, знакомство возобновляется: адресант уточняет персону адресата и представляет себя повторно: *«**Вы меня извините, Марья Михайловна, – говорю, это вы?**» Она гыт: «Я. А ты хто?» Я говорю: «**А я Вера.** С Верши'ниной, – говорю, – ездили кода'-то суды'».*

Прощание

Этикетные формулы прерывания контакта вербализуются в конечный момент общения [19. С. 66].

В дискурсе диалектной ЯЛ прощальные ФРЭ реализуются в разных вариациях сценария расставания.

Маркером начала прерывания контакта при достаточно длительном повседневном общении служит частица *ладно/ну ладно*, сигнализирующая о завершении разговора, в том числе при прекращении коммуникации: ***Ну ладно**, я от вас отдаляюсь, пойду покорьмить;* ***Ну ладно**. Пойду я, помаленьку, поши́ньгаю траву*.

Наиболее распространенной этикетной формулой прощания выступает в диалогическом единстве *до свиданья/до свидания* (редко – *до свиданьица*): *Ю.Н. [собирается уходить]. Ну ладно, тётя Вера. В.П.* ***До свидания;*** *О.Л. До свиданья. В.П.* ***До свиданья.*** *Не забудь, Оля, пойдёшь там, скажи; В.П. А Катя всё уж, собралась, ехать. ~* ***До свиданья**, моя хорошая; С. До свидания. В.П.* ***До свиданьица.***

Этикетное *до свидания* может заменяться иными формулами. Несколько пожеланий связаны с мотивом божественного покровительства. Так, покидая хозяев, уходящий гость говорит ***истава́йся с Богом***; уходящему или уезжающему посетителю хозяйка также желает благополучного ухода *с*

Богом (*Гена вчара' в окно махнул, позавчара': «Я пошёл». Я говорю: «Иди давай,* ***с Богом****»*), встречи с близкими благодаря Всевышнему *(Ну, «****дай Бог встречи за ваши речи****». Это говорят. ~ Ну, поехала от ты домой – ты с мамой встре´тисся, а там, может, с другом, с тётей, ли с подругой*).

Прощание с дорогими гостями (обычно с близкими знакомыми или родственниками из города, приезжающими не часто) наиболее ритуализовано. При расставании хозяйка сопровождает гостей до калитки, напоследок вручаются гостинцы или скромные подарки; формула прощания, как правило, сочетается с рядом формул РЭ благодарности, просьбы, пожелания: *Ну, Катенька,* ***спасибо тебе за всё до'бро, не забывай меня****; В.П. [пришедшей односельчанке:] Зайди, зашла бы? Р.В. Нет, Вера, пойду, я уже долго... Время дополна'. ~ В.П. Ну ладно,* ***спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья.***

Важным моментом в ситуации прощания является передача приветов. Если пришедшие к информанту передают приветы от знакомых в начале установления коммуникативного контакта (*Аня пришла: «Тебе Татьяна Лексе'вна [подруга-односельчанка] привет присла'ла*»), а приехавшие издалека сообщают о приветах в беседе, где обмениваются новостями своей жизни с хозяйкой, то при расставании с гостями информант передает приветы (*Это,* ***Людмиле Георгевне там привет большу'чий передайте***), в том числе родственникам гостей, даже лично незнакомым (***Привет там своей мамочке передай****, хоть я её и не знаю – передай там*). Устная и письменная передача приветов в кругу когда-то живших вместе в Вершинино поддерживает социальные связи, значимые для представителей традиционной культуры: *У меня знако'ма-то, на Пятом-то [о закрытом городе вблизи Томска], она мне письмо присла'ла. И пишет: «Передай привет Матрёне Артемьевне». Там подруга у меня в Магада'евой ~, тоже пишет мне, тоже Моте привет передаёт. Присла'ла Люда письмо, Лена гыт, «мама, гыт, просит передать привет тёте Моте». Я думаю: сколько приветов-то! Я понесу ей.*

Формулы этикетной рамки прослеживаются не только в устном варианте дискурсивной практики ЯЛ, но и в письмах малограмотного информанта[1]. В них встречаются приветствия и обращения (***Здравствуити маи дорогия Людмила Геворгевна****;* ***Здравств[у]и Нина Алексевна Нина*** *нет ли у тебя дроже[й] крош[ечку]*); в зачинах эпистолярного текста отмечены также клишированные формулы передачи привета и поклона, которые входят в зачин письма (*Здравствуи Екатирина Вадим[о]вна* ***[с] Сердечном приветом*** *Вера Прокопивна;* ***[с] Сердечном Приветом и Снискем Поклоном*** *Вера П[рокофьевна]*).

В одном из писем завершающая часть маркирована частицей *ладно*. Концовка письма также может содержать привет (***Передай Превет людмиле***

[1] При передаче фрагментов эпистолярных текстов сохранены черты малограмотного письма: отсутствие знаков препинания, пропуск букв, смешение заглавных и строчных, орфографические ошибки, отражение диалектного произношения и др. В квадратных скобках восстановлены лакуны письма и даны некоторые пояснения.

геворгевне и сваёй маме) и поздравление (*Поемете [«поймёте»] нет маю песанину [«писанину»]* ***Ладно С прасняком Вас хорошо превести***). Текст заканчивается этикетной формулой прощания – в отличие от устной речи, только в форме «до свиданьица» и просторечной частицы «пока». Финальная часть также отражает просьбы приезжать в гости, продолжать переписку, пожелания здоровья; в одном из писем упоминается поцелуй как знак доброго расположения. Завершает письмо датировка и иногда подпись адресанта*: Ну пока* ***бут[ь] здорова*** *Пишы до сведанеца* ***целую 10-3-92*** *г; ну досведаница Пре[и]жа[й] В гости* ***13-2 1990 года Вершинина В.П****.; ну бут[ь] здорова* ***Преижаи Поскоре****[й] до сведанеца.*

Обратим внимание на то, что во всех четырех описанных коммуникативных ситуациях представлена бытовая сфера дискурса.

Этикетные вкрапления

Этикетные вкрапления в дискурсе, по классификации Н.Г. Тырниковой, необязательны, но также являются важным компонентом реализации этикетного начала в тексте. В ее работе отмечены такие вкрапления, как благодарности, извинения, поздравления и просьбы [15. С. 17–8].

Полный перечень подобных единиц в литературе по РЭ отсутствует. «Обычно называют более десяти важнейших этикетных позиций (ситуаций), отчетливо различающихся и имеющих свой этикетный словарь, который характеризуется разнообразием вариантов: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ» [14. С. 355]. Дадим обзор ФРЭ в дискурсе диалектной языковой личности, отталкиваясь от этого списка и дополняя его с учетом данных спонтанной речи информанта[1]. Состав коммуникативных ситуаций с этикетными вкраплениями значительно превышает список таких ситуаций, относящихся к этикетной рамке.

Просьба

Наиболее широко просьбы представлены в бытовой дискурсивной сфере – в ситуациях, связанных с необходимостью удовлетворения материальных потребностей одинокой пожилой женщины (покупка продуктов, нужных вещей и лекарств) и физической помощи (ремонт, заготовка дров на зиму, чистка снега, трудоемкие работы в огороде). Этикетные формулы чаще всего включают императив, обозначающий каузируемое действие: ***Привези мне воз навозу****,* ***Лексе'й!*** Этикетность может усиливаться обращением, перформативным глаголом, частицей *пожалуйста* и

[1] Некоторые обозначения этикетных ситуаций «Стилистического энциклопедического словаря…» в статье частично изменены или дополнены.

словосочетаниями *будь до'бра/до'бренька, будь добрый, будьте до'бры (**Купи'те, пожалуйста. Пожалуйста. Будьте до'бры**; **Попрошу тебя, будь до'бра:** вот к этой Нине по молоко сходи)*, формулами с мотивами труда – *потрудись, не затруднись, не посчитай за трудность, не поленись (Тома, купи, **не пошшытай за трудность**)*. Используются множественные приемы смягчения категоричности бытовых просьб: вопросительные конструкции, в том числе с отрицанием (***Ты мне не сошьёшь платье?***), модальными единицами (***Может,** ты посо'бишь мне банки вытаскать?*). С этой же целью вербализуются тактики, подчеркивающие незначительность, несложность просьбы, аргументы необходимости ее выполнения для адресанта (см. подробнее: [12]), косвенные формы побуждения собеседника через намек (*Георгий вышел за ворота', я говорю: **«Гоша, у тебя нету никакой досо'чки, хорошенькой такой, гладенькой?»***).

Наряду с бытовыми просьбами, в диалектном дискурсе выявлены и ситуации иных сфер. Призывы, репрезентирующие нормы поведения ЯЛ и в то же время учитывающие интересы партнера, можно квалифицировать как просьбы этической сферы. Они предполагают побуждение в пользу не только адресанта, но и адресата, выходящего на первый план.

Такие просьбы нередко возникали в ситуациях взаиморасчетов, когда односельчане приносили крестьянке выловленную рыбу или городские гости привозили для нее лекарства, покупали что-либо для общего стола. Отказ дарителей принять в этих случаях деньги всегда вызывал споры и просьбу хозяйки расплатиться: *Знашь чё, **Лексе'й, ты бы взял деньги с меня**. Я бы развязана была, не шшыталась бы, что я до'лжна; **Ты мне, пожалуйста, не покупай ничё так на свои деньги там! Ли покупай, дак деньги бери.*** Некоторые ситуации ЯЛ оценивала как потенциально опасные для здоровья или благополучия адресата: *А я всё говорю Мише [сыну]: **«Миша!»** Я говорю: **«Ты не кури**, **у нас в родне прямо совсем не курили никто!»***; *Я ему [мужу скончавшейся сестры В.П.] говорила тода': «Володя, **ты не напивайся** [на поминках]! **Пожалуйста, не пей, тебя разорят, уташшут!»** И мясо уташшут, есь чё уташшыть, всё равно.*

В отличие от просьб бытового характера, в этических просьбах редко используются формы сослагательного наклонения (*ты бы взял деньги с меня*), не зафиксированы вопросительные конструкции, модальные единицы. При этом неоднократно отмечены так называемые отрицательные просьбы (*не покупай, не кури, не пей…*), нетипичные для просьб о помощи, а вербализация просьбы часто носит эмоциональный характер. Здесь отсутствуют косвенные просьбы. Аргументация в основном встречается в просьбах, где ЯЛ пытается предотвратить какие-то негативные последствия в жизни близких родственников, опираясь на свои представления о нормах морали и жизненных ценностях.

Можно выделить также просьбы сакральной сферы, отражающие следы языческих и христианских верований, переплетающиеся в традиционной культуре. Часть из них сохранилась в обычаях и обрядах сельского социума, культурной памяти диалектоносительницы.

Крестьянка хранит воспоминания детства об обряде кормления домового – *дедушки-сусе'душки* – в день сорока святых мучеников. Описание обряда включает не только невербальную составляющую, но и просьбу в адрес мифологического персонажа: *Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'ким пташечек налепим… Она каки'- то булочки стря'пат… дедушке-сусе'душке. Вот:* ***«Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забывай»****. Булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто пойдёт: «Поло'жьте там под сле'гу или под ма'тку в подпо'льяв».* В легенде о хлебе «на собачью долю», также запомнившейся женщине из материнских рассказов, встречается просьба о подаянии милостыни: *А это мама говорила. А это… пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком:* ***«Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!»*** *– под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок».* Аналогичный текст просьбы практически совпал в рассказе ЯЛ о странствующих нищих, проходивших через село Вершинино. Хранится в ее памяти и обрядовый текст колядования на Святки с просьбой к односельчанам об угощении: *«Рожество' славим Христе' боже наш» – просла'вют его, пропоют –* ***«Ну, хозяин с хозяюшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну»****.* Эти архаичные тексты с содержащими их просьбами уходят в прошлое одновременно с устареванием обрядов.

Адресатом просьб в области сакрального может выступать также Бог. Собирателем записано несколько пересказанных вслух молитв, среди которых «Отче наш» завершается просьбой: *«Отче наш! Отче наш, [неразборчиво несколько слов], да святится имя твоё, да при'дет будет царьствие твоё, да будет воля твоя, яко на земле,* ***хлеб наш даждь нам днесь, не введи нас во искушение, но изба'ви нас от лукавого****».*

В спонтанных бытовых ситуациях просьба, обращенная к Всевышнему, встречается редко. Как правило, это просьба о прощении – показатель нарушения говорящим нравственных и религиозных норм: *Я говорю: «А кака' мука? Если высший сорт… я говорю: мне высший сорт [надо], а такой… тёмну мне не надо –* ***прости меня, господи, грешницу!*** *может, грех*. Близкая по форме просьба звучит также при употреблении сниженных языковых средств: *Я кого…* ***прости бог,*** *соплёй перешибить, и то, всё равно ись хочу; [Нянчится с ребёнком:] Куда [пошёл], Саша? Сволочь какой,* ***прости ты меня господи.***

Некоторые устойчивые словосочетания с компонентом Бог/Господи (*боже избавь, не дай бог, спаси бог помилуй*), как отмечает Л.Г. Гынгазова, подверглись семантическим изменениям и приобрели новые смыслы со значением желательности/нежелательности [23].

В разных ситуациях наблюдаются ритуальные просьбы о благословении. Их адресатами преимущественно выступают родители, которые благословляли своих детей в особо значимые моменты жизни не только от своего имени, но и от лица Господа. Одним из наиболее важных значимых событий считается благословение на брак: *Это, Степан опе'ть запрёг кони'шка, поехали [к родителям невесты]. Приезжа'м, ~ я стала в ноги так от*

кланяться: «Ну, ***тя'тя, баслови'те меня****». ~ Ну и баслови'л*. Большей сохранностью характеризуется обычай обращения с просьбой о благословении к умирающим родителям: *Кода' она стала болеть, он [сын] говорит:* ***«Мама, прости меня»*** *– мне Нинка Данилина сказывала.* ***«Мама, баслови' меня. Мама, прости меня, баслови' меня****!»* *– «Бог тебя баслови'т». Всё равно, мать дак мать и есть. Всё равно сказала*. Близкая по семантике просьба о прощении встречается и на похоронах: *Ну, она так плакала: «****Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё****. Много я тебе горя принесла». Она же ребёночка принесла в девках ~. Ну а… позор же, как вроде бы.* В обоих ситуациях просьба содержит элемент покаяния.

Обращенные к Богу молитвы и просьбы о благословении на труд, соотносимый с сакральными сущностями, звучали в Вершинино еще в начале XX в. Этому обычаю следовали отец и мать крестьянки перед началом посева: *Поедут сеять, я помню, тя'тя – поедет сеять, дак мама Богу помолются, свечку зажгут. Помолются,* ***басловя'сь.*** *~ Зажгут свечку, помолются, [когда] первый раз сеять поедут, пшеничку*. В этот же период в идиолектном дискурсе встречается упоминание о молодой невестке, которая ежедневно просила у родителей мужа благословения на доение коровы: *…поста'рьше меня была, четвёртого году [1904 года рождения], Ольга Иванна. Она вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт:* ***«Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!»*** *– корову пойдёт доить. [Каждый день?] Ка'жный раз, в день два раза. Угу, угу. Ка'жный раз доили, и… помолится, богу пойдёт.*

Продолжение этих традиций в просьбе благословения на труд и отдых наблюдалось в речевом поведении ЯЛ на рубеже XX–XXI вв.: *[начиная сажать пироги в печь:]* ***Господи, баслови'!;*** *[ложится спать:]* ***О'споди, баслови' Христос***; Иногда в ситуации отхода ко сну звучала и лаконичная просьба о прощении: *Ой!* ***О'споди, прости меня!***

Благодарность

Этикетные средства выражения благодарности передают в общении чувство признательности за помощь, внимание и заботу, доброе отношение. В сфере бытового общения крестьянка благодарит за помощь родню и соседей: *Я в бане [у родственников] помылась, да говорю: «****Спасибо*** *вам!»; Ходит она всё время [ко мне соседка],* ***спасибо****, ходит; Мне Аксинья,* ***спасибо****, давала [мазь], я намажу, намажу…;* ***Спасибо****, никто не забыл меня [в день рождения]*. Благодарность звучит и в адрес приезжих гостей: ***Спасибо*** *вам за проздравле´нье, открыточку;* ***Спасибо****, и так вы всё… [привозите]; Катерине Петровне* ***большо' спасибо*** *за ваучер и за гостинцы.*

Как можно видеть, информантом чаще всего используется самая распространенная общерусская ФРЭ *спасибо*. С ней часто сочетается пожелание *дай бог <доброго> здоровья*, отчасти также несущее семантику благодарения: ***Спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья****; Маруся,* ***дай бог тебе здоровья.*** *Помогли мне.* Синонимичными высокочастотному *спасибо* можно

считать и нелитературную ФРЭ *спаси те бог* (*Посара'пай [«почеши»] мне спину мале'нько. [Так?] Ладно,* ***спаси те бог***).

Сакральное начало закреплено в формуле *царство небе'сно* (кому), по сельскому обычаю содержащей благодарность в адрес не только того, кто угощает, но и ушедших из его жизни родных[1]: *[Ешьте виноград.] Спасибо.* ***Царьство небе´сно вам папочке.*** *Вадим – че´ич был? Вадим Палыч.*

Благодарственное *спасибо* отмечено также в речи хозяйки после ритуального угощения приглашенных гостей: ***Спасибо*** *вам, пришли, поели мало-мало. Поесть-то ши'бко нечего хорошего*. В синонимический ряд входит, кроме того, устаревающая этикетная формула благодарности в ситуации угощения, сохранившаяся в речевом жанре воспоминания*: «Ну-у, садись, чашку чаю выпей!» – она садится. Правда, чашечку, не откажется. Раз скажи, два, и всё сядет.* ***«Покорно благодарим»****. Хоро'ша старушка была*. Благодарность скончавшемуся родственнику могла встречаться и в похоронном обряде: *Привывала ешо [на похоронах]*: *«****Спасибо*** *тебе, что посо'бил мне малых детушек поро'стить».*

В качестве ответа на благодарность в диалогических единствах встречаются единицы *на здоровье* и *пожалуйста*: *А.Н. Спасибо, Вера Прокофьевна. В.П.* ***На здоровье****; [Спасибо.] Ой,* ***пожалуйста****. Дак а за чё спасибо-то?*

Извинение. Прощение

ФРЭ, связанные в дискурсе диалектоносительницы, касаются разных сфер. Архаические сакральные представления о госте как посланнике Бога [7] закрепились не только в ритуалах потчевания, но и позднее в этических правилах общения с гостями. Нарушения этих правил в нашем архивном материале единичны. Хозяйка извиняется, когда не уделяет гостю должного внимания, отвлекаясь на домашние работы (*Ну ладно, Катерина Вадимовна,* ***извини меня****, я пойду окошко вымою одно*), и не соблюдает ритуал парадного убранства стола (*Вы уж* ***меня извините****, я прямо за'просто вас потчеваю, должны быть и стака'нишки, у меня там наверьху лежут они. Рюмочки я не утаскиваю*).

В единственном эпизоде ссоры с подругой зафиксирована просьба информанта о прощении из-за нарушения этики. Приглашенная на именины подруга пришла к ней на день позднее, и именинница назвала ее *не со зла* сниженным словом. *Она как заплачет, заревёт, бежать… Я за ей: «Да Поля, да ты чё? Ну* ***прости меня****, ну чё, вырвалось у меня так да всё…* ***прости****».*

В обоих случаях признание говорящим вины обозначено императивными формами – *извини* и *прости.* При этом Р. Ратмайр подчеркивает, что ФРЭ *извините* обозначает меньшую степень вины, а *простите* – более значительную вину, выражающую просьбу не сердиться [24. С. 22].

[1] Ср. также далее употребление аналогичной формулы в ситуации ***Пожелание***.

В дискурсе ЯЛ встретился сакральный текст обряда прощения в Прощеное воскресенье: *В.П. За'втре ешо день последний, Прошшоный день. Прошшаются. [То есть «до свиданья» говорят?] М.А.* ***«Прости меня Христа ради».*** *В.П.* ***Бог простит.*** *М.А. Это я вам скажу. А вы отвеча'те: «Меня простите Христа ради». – «Бог вас простит» – ты отвеча'шь. В.П. Угу. Раньше это было, так в обычае.* Вероятно, диалогическое единство с реакцией на просьбу о прощении сформировало близкую формулу ответа в бытовой коммуникации. Ср.: *[Не умеющий считать деньги односельчанин пытается отдать их В.П. «на сохранение»:] В.П. Да не надо! Кто-нибудь уташшыт да всё. Кого я теперь, дурочка настоя'шша. И.К. Прости меня. В.П.* ***Бог простит тебя.*** *Давай ступай.*

Приглашение

Этикетные приглашения в речи диалектоносительницы связаны с приходом гостей в двух ситуациях, где сакральная сфера переплетается с бытовой. Приглашение прийти в гости осуществляется заранее, по важным праздничным поводам. Здесь используются императивные формы: ***Приходи*** *за'втре [на день рождения]; К нам* ***пригуляйте***. Приглашение к угощению более спонтанно; оно обращено к тем, кто зашел без договоренности навестить односельчанку (по свидетельству ЯЛ, таких зашедших *попроведать* иногда насчитывалось в день до двадцати и более). Хозяйка предлагает сесть за стол и присоединиться к трапезе (чаще всего – чаепитию с закусками и сладостями), перечисляя и рекламируя кушанья. Используются императив *садись, поешь(те),* частицы *айда'(те)* и *давай(те),* номинации предлагаемой еды: *Аксинья,* ***садись чай пить!*** *Мы сёдня пироги состряпали. Семьёй!; Ты раздевайся,* ***садись****, всё равно* ***выпьеш****ь чашку чаю, не отра'висся;* ***Айда',*** *девки, чай пить;* ***Айда´те, поешьте*** *картошки, пока тёпленьки;* ***Дава****й* ***поедим****, хоро'ша ягодка!;* ***Поешь*** *кусочек! Возьми* ***поешь****.* ***Садись****, Катя, а?;* ***Садись****, Аксинья! Яичко* ***съешь****, от колбаски мале'нько, капу'ски.* В таком импровизированном застолье с небольшим числом участников прослеживаются некоторые элементы торжественного ритуального потчевания (см.: [7]), а само общение поддерживает коммуникативные дружеские связи, представляющие собой ценность традиционной культуры.

Пожелание. Поздравление

Этикетные формулы с пожеланиями отмечены прежде всего в разных ситуациях бытовой сферы. Частотны пожелания в ситуации угощения хозяйкой гостей. Они содержат прежде всего мотив здоровья: *Да пей ты пей* ***на здоровье****; Ну давайте, давайте, выпейте сразу да поешьте* ***на здоровье****!* Выходящее из употребления пожелание посетителей дома *Чай с сахаром!* в адрес принимающих пищу хозяев (фактически оно подразумевало достаток, поскольку сахар в деревне был довольно дорог) постепенно стало

вытесняться более поздним пожеланием: *Ну, скажут:* ***«Чай с сахаром вам!» «Приятного ли аппетиту»****, – скажут кода'.*

В быту сохранились также пожелания перед сном (*Ну ладно, спать будем. О'споди, баслови'!* ***Покойной ночи***), после посещения бани (*Быстро вы вымылись.* ***С лёгким паром вас!***) и при чихании (***Будь здоро'ва да сця'слива***).

Не менее значимой частью быта крестьянки являлся труд. Традиционная культура породила множество благопожеланий успешной работы в разных видах трудовой деятельности: обработка льна и прядение, доение коровы, стирка, стряпня, рыбалка, охота и многое другое. К сожалению, многие из них сохранились в местных говорах лишь в небольшом количестве (за исключением вологодских [5]); такая же картина в среднеобском регионе.

Среди архаизирующихся ФРЭ трудовой деятельности, выявленных в лексиконе диалектной ЯЛ, некоторые из них могли заменять приветствия в ситуации встречи коммуникантов: *Ну прядёшь –* ***«спорина' тебе в пряжу»*** *[желают]; [А если стираешь, что говорят?] Тоже говорят чё-то, а я забыла.* ***«Беле'нько тебе в корыте!»*** *Раньше [говорили];* ***«Море под кормилицей!»*** *[желали при доении коровы]. Кака' хоро'ша пословица.* Случаи спонтанного употребления устаревших благопожеланий в трудовой деятельности, по нашим данным, не сохранились, но словарь А.Г. Балакая относит близкие к ним варианты (*Бело в корыте!; Море под кормилицу (кормилицей)!; Спорынья' в работе!*) к теме «приветствие при встрече» [20. С. 587–591]. В то же время благопожелание *помогай вам Бог!* в идиолекте ЯЛ встретилось как в метатекстовом приветствии (*Захо'дют, чё-нибудь делают либо чё, в огороде делают –* ***«Помогай вам Бог!»***), так и в спонтанной речи информанта, где функционально высказывание отражало не приветствие в момент уже состоявшейся встречи с адресатом, а пожелание облегчения труда: *[Копающей в огороде картошку:] Катерина Вадимовна!* ***Помогай вам Бог.*** В памяти крестьянки сохранились и паремиологические варианты ответной реплики: ***Бог-то Бог, да сам, гыт, не будь плох;*** *А и так говорят:* ***«Бог-то Бог, да и ты бы помогла!».***

Сакральное начало представлено в ситуации упоминания умершего, где покойному принято желать загробной жизни в раю: ***Царство небе'сно*** *моей мамочке; А мне Коленька [брат] сделал [лавочку],* ***царствие ему небесное.*** Благопожелание дополняется диминутивными формами именования дорогих людей.

Досуг в диалектном социуме связан с бытовым и сакральным началом. В ситуациях отмечания личных, государственных и церковных празднеств лаконичные этикетные пожелания, как правило, примыкают к поздравлениям с наступившей или наступающей праздничной датой: *С. Мне шестьдесят семь лет. В.П.* ***С днём ангела тебя, дай бог тебе здоровья****; [из письма от 1 мая:]* ***С прасняком*** *[«праздником»]* ***Вас хорошо превести*** *[«провести»].* Традиционен и диалогический обмен поздравлениями с Пасхой: *С. Христос воскрес! В.П.* ***Воистину воскрес.***

Согласие

Выражение согласия в дискурсе информанта вербализуется рядом частиц. В бытовом диалогическом общении они маркируют утвердительный ответ на вопрос собеседника: *Иван Иваныч за ворота'ми: «Ты чё, Вера, устала?» – на меня говорит. Я говорю: «**Ага**»;* [*А кольца медные были?*] ***Да**, вся'ки были; «Чё, дорого?» Я говорю: «Ну дорого, **конешно**»; Это «твори'ло» называется. [Вход в погреб?]* ***Ну, ну***. Этикетными языковыми средствами маркируется также подтверждение реплик, высказанных партнером по коммуникации (*С. Икону косо поставили. В.П.* ***Угу***. *После подправлю; Лук я не солила. [Солили.] А-а, ну мало, мало солила.* ***Правильно**, солила да'йче*; *С.Н. Ну если пойдёшь [в баню], часов в восемь приходи. В.П.* ***Ладно**; [Я молока выпью.] В.П.* ***Давай.*** *А я это… чай попью*) или закрепленных в паремиях изречениях (*С: Дак от и рвут цветок, пока цветёт. В.П.* ***Да**, поблёкнет – и…; Не бойся, гыт, смерти, бойся старости.* ***Правда что**, придёт холера*). Как можно видеть, здесь преобладают модальные слова, частицы встречаются редко.

Несогласие

Отрицательные ответы на вопросы, заданные собеседником, встречаются в дискурсе информанта нередко, но они не ущемляют интересов партнера по коммуникации – адресат предоставляет ему только нейтральные сведения: *Сижу тут-ка, она: «Баб, ты чё, не слышишь ли чё ли?» Я говорю: «Нет, а чё?»; [Покойника сразу в гроб кладут?] Не-ет, а гроб-то де возьмёшь?* Обмен репликами такого рода не ущемляет интересы ни одного из коммуникантов и не связан с речевым этикетом.

Среди этикетных формул несогласия, выражающих негативное отношение к чему-либо, выделяются отказ и возражение.

В дискурсе исследуемой ЯЛ отказ информанта выявлен в конкретных ситуациях, где односельчане просят одолжить денег или спиртное, а также предлагают свои услуги либо помощь. Крестьянка отказывалась в тех случаях, когда не считала это целесообразным и/или наносящим ущерб своему хозяйству. Как правило, при отказе используются частицы и слова категории состояния *нет, не* и *нету*; отказ смягчается разными способами: утверждением об отсутствии просимого (*«Тётя Вера! Давай бутылочку!» Я говорю: «**Нету у меня**»*), важности вещи для самой женщины (*Но'нче Лёнькин это, мальчик, прибежал – ему семо'й год… А это… я у ворот. А он: «Баба Вера, ты мне ремешок этот дай!» – бич ему надо шшелка'ть, у ворот, ремешок. Я говорю: «**Не-ет, нет!**» Я говорю: «Ты чё это? А я как буду ворота' [открывать]?»*), отложенным обещанием выполнить просьбу (***Нет, нет, не дам** [сейчас бутылку]. Идите работайте, за мной не пропадёт*); встречается также отказ с объяснением и уступкой (*Они всегда деньги занимают у меня. ~ У меня есь деньги, дак я же… возраст-то какой мне,*

девятый десяток – ты подумай-ка! Дак если – вдруг я свалюсь? Да, может, ты же придёшь, да мне хоть попить подашь – я тебе пятёрку – десятку хыть и дам». ~ Я говорю: ***«Две-то*** *[тысячи рублей]* ***не дам, а тысяч"у дам»***).

Предложение о помощи отклонялось адресатом с мотивировкой отсутствия необходимости или неэффективности потенциального результата: *Предлагал мне тут дяденька один: «Возьми, возьми собачку, возьми!» Я говорю:* ***«Не надо»****; «Я тебе выставлю окошки» – а сама от така', вся ходенём ходит, ни ись ничё не может [родственница с болезнью Паркинсона]. Я говорю:* ***«Ты у меня прибьёшь их все! Прилома'шь, тода' чё будем делать?»***.

Несогласие, реализуемое через возражение, проявляется через оценку чужого мнения или мысли как неверное, не соответствующее взглядам ЯЛ. В речи информанта передающие возражение разнообразные маркеры ФРЭ (частицы *никого не, ну, нимало*; междометия *брат, беда*, существительное *неправда*) категоричны, нередко имеют экспрессивные, иронические коннотации: *А.П. Жарко, наверно, Вера, ты посадила [пироги в печь]. В.П.* ***Никого не*** *жарко; «Батюшка – Бог» – она называ'т [священника]. Я говорю: «****Ну! Это неправда!*** *Какой батюшка Бог!»; А.П. Надо было Колю с Геной заставлять [помочь]. В.П.* ***Беда****, заставишь! Не ши'бко разбегутся, Гутя!; Надо вырастить пе'рво [огурцы]. – «Ну, вырастим». Кого,* ***брат****, наро'стит тоже.*

Дискурс сибирской крестьянки демонстрирует преобладание высказываний со значением несогласия над значением согласия, что отмечено на разном материале в других исследованиях [25, 26].

Утешение, сочувствие

Формулы РЭ, служащие в бытовой и этической сфере средством выражения сочувствия, сострадания, жалости к собеседнику, немногочисленны. Две из них зафиксированы в словарях русского литературного языка и в словаре А.Г. Балакая [20. С. 39, 308]: *Он говорит: «Вера, ты не плачь, ты* ***береги себя****, ну чё же ты так. Мы не бросим тебя, никогда тебя не бросим»; Гладит меня, да приголу'бливат: «О'споди, да* ***не плачьте****…».* Фразеологизм *пойти прахом* имеет некоторые отличия от общерусского: если в Словаре русского языка он толкуется как «погибнуть, уничтожиться» [27. С. 359], то в идиолекте значение более узкое – «не принести обогащения» [28. Т. 3. С. 111] и связано с воровством: *Вася приезжал тот раз, попроведовал меня, пожалел ~ : «Ну не переживай [об украденном], ну чё…* ***Всё прахом пройдёт*** *там [у воров], баб Вера!».* Собственно диалектный фразеологизм (*два, три* и т.п.) *гроба вынести* в значении «похоронить (хоронить), потерять (терять) столько-то близких, членов семьи» [28. Т. 1. С. 161] призван облегчить потерю родных в сравнении с горем утешающих: *да* ***я тоже три гроба вынесла*** *да одна осталась».*

В речи диалектной ЯЛ встречается много фрагментов, где женщина, рассказывая о жизни односельчан и родственников, а иногда и посторонних для нее людей, сочувствует им, сопереживает как своим, так и чужим: *Братика-то ши'бко жалко, он был полуризо'ванный; Ой, бе'дна Вера, надо же, бабе сорок лет. Не дай бог! Так мается. Я была – она ху'денька-ху'денька, желудок болит; Он [Горбачёв], бедный, постарел даже. Похудел. Как-то тут то аварии, то т**о**, то друго'. Бедный, не знат чё применить; Он молодой, с сорок шестого года, а этот тридцать восьмого но´нче по'мер, хороший был, даже вчу'же жалко. Ну, чужой – и жалко. Вчу'же жалко; Бедненькый, он сиротой остался.*

Как можно видеть, в таких высказываниях часто встречается прилагательное *бедный.* Однако разговор информанта с односельчанкой об их соседке, у которой пьющая дочь, показал особенности словоупотребления этой лексемы: *П.М. Ну, она всё мне... В.П. Всё рассказала? П.М. Всё рассказала. В.П. Ой! Я говорю: **«Да бе'дна ты разбе'дна, Валька!»** – ей прямо так от в глаза говорю, назвала её так... «**Бе'дна** ты!» П.М. А я «бе'дна» не сказала, говорю: «Валя, это твоё горе. Ой, Валя, какое твоё горе!» Она: «Конешно, гыт, горе». В.П. Горе.*

Диалог свидетельствует о том, что использование прилагательного *бедный* при непосредственном контакте с адресатом является для диалектоносительниц табуированным (В.П. признается подруге в нарушении табу); предпочтительнее сказать о горе. Возможно, запрет на эту лексему *в глаза* связан с ассоциацией бедности, нужды.

Похвала

Похвала в адрес человека представлена в идиолектном дискурсе весьма скупо.

Одобрительная оценка свойств характера, трудолюбия, умения кого-либо обычно дается заочно с использованием оценочных слов *мастер, мастери'на, мастерица, мастеровой, молодец:* ***Молодец*** *парень. Всё де'лат; Вот у нас отец был,* ***мастеровой*** *был, бра* ***мастеровой*** *был.* Похвала при непосредственном контакте с собеседником встречается редко: *А ты хоро'шу каку' шаньгу-то мне прислала.* ***Мастерица*** *прям хорошо ты состряпала.*

Аналогичная картина наблюдается и при оценке внешней привлекательности человека – чаще «за глаза» *(А она така' красавица, высо'ка, краси'ва, волосы вот таки' прям; Он красивый, из-за реки можно продать – вон какой красивый!);* гораздо реже в его присутствии (*[Любовно, маленькому мальчику:] Моя* ***клясавица****!; [городской женщине:] Ну давайте, идите, идите, моя хоро'ша. Спасибо вам.* ***Куколка***).

Заключение

Рассмотренные в статье этикетные формулы репрезентируют универсальные закономерности их функционирования в речи: их бытование в

широком круге дискурсивных сфер и коммуникативных ситуаций общения (в ряде случаев – с их переплетением и наложением); доминирование формул одних этикетных ситуаций над другими (так, полученные выводы о преобладании ситуации несогласия над согласием и превалировании ситуации просьбы над всеми остальными совпали с заключениями Н.Г. Тырниковой [15] и И.А. Стернина [25]); постепенное изменение состава ФРЭ по мере развития языковой системы.

Вместе с тем лингвоперсонологическое изучение этикетных формул исследуемой языковой личности отражает многие особенности культурно-языкового ландшафта сибирского старожильческого села:

– преобладание в исследуемом материале общерусских формул речевого этикета над нелитературными (диалектными, диалектно-просторечными, диалектными вариантами общерусских единиц) указывает на черты говора вторичного образования в отличие от материнских говоров;

– этикетные вкрапления, «либо встроенные в структуру дискурса, либо образующие в нем отдельные минидискурсы» [15. С. 7], подтверждают вывод о специфике его стилевой стратификации с доминированием обиходно-бытового стиля при наличии высокого стиля и отсутствии официально-делового стиля (ср. [29]);

– рассказы крестьянки о бытовании в период ее жизни обычаев, обрядов и прецедентных текстов с языческими и христианскими элементами в этикетных формулах речевого этикета сохраняют следы ментальных характеристик жителей сибирского старожильческого села;

– этикетные формулы в дискурсе языковой личности отражают аксиологическую значимость для крестьянского мира здоровья, пищи, семьи, достатка, общения. Обратим внимание на последний пункт в этом перечне: ФРЭ в дискурсе информанта «работают» на коммуникативную функцию, но прежде всего не столько на контактоустанавливающую ее подфункцию [19. С. 15] (так как в старожильческих селах с постоянным составом жителей эти контакты давно установлены и достаточно стабильны), сколько на регулятивную – контакто-поддерживающую подфункцию для сохранения доброжелательных отношений как одной из важнейших ценностей традиционной народно-речевой культуры.

Список источников

1. *Толстой Н.И.* Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991. С. 5–22.

2. *Гришанова В.Н.* Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах. 1998. С. 307–311.

3. *Зубова Ж.А.* Фразеология орловских говоров как отражение мировосприятия диалектоносителей (на материале приветствий-пожеланий) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5–6 (44–45). С. 458–463.

4. *Кузьмина Е.Б.* Формулы приветствия в псковских говорах // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. 26–28 апреля 2012 года, Псков. Ч. 1. Псков, 2012. С. 180–184.

5. *Зорина Л.Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда : ВГПУ, 2012. 216 с.

6. *Казакова О.А.* Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехнич, ун-та, 2007. 200 с.

7. *Иванцова Е.В.* Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 269–279.

8. *Иванцова Е.В.* Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 14–19.

9. *Иванцова Е.В.* Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 26–44.

10. *Иванцова Е.В.* Формулы речевого этикета с благопожелательной семантикой в дискурсе носителей среднеобских говоров как отражение народной ментальности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 35–41.

11. *Иванцова Е.В.* Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильческого села // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80.

12. *Иванцова Е.В.* Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 40–58.

13. *Демешкина Т.А.* Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 122–126.

14. *Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.* Речевой этикет // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта – Наука, 2003. С. 354–358.

15. *Тырникова Н.Г.* Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2003. 24 с.

16. *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

17. *Гольдин В.Е.* Этикет и речь. Саратов, 1978. 112 с.

18. *Кузьмина Е.Б.* Формулы приветствия в псковских говорах // Русский язык в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конференции : в 2 ч. Ч. 1. Псков, 2012. С. 180–184.

19. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1987. 158 с.

20. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелательного обхождения. 6000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс, 2001. 672 с.

21. *Астафьева Е.А.* Идиолектный антропонимикон как источник изучения языковой личности диалектоносителя : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2017. 244 с.

22. *Стернин И.А.* Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.

23. *Гынгазова Л.Г.* Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.

24. *Ратмайр Р.* Функциональные и культурносопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 15–22.

25. *Стернин И.А.* Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет : материалы 2-й междунар. конф. «Jezyk rosyjski w przestrzeni jezykowej i kulturovej Europy i swiata: Czlowek. Swiadomosc. Komunikacja. Internet» (Warszawa, 6-9 maja 2004). Варшава : Изд-во Варш. ун-та, 2004. С. 32–55.

26. *Крайнова А.С.* Согласие и несогласие в русском речевом общении: лингвистический и коммуникативный аспекты // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 4 (14). С. 81–86.

27. *Словарь* русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 3.

28. *Полный* словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1–4. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996–2012.

29. *Иванцова Е.В.* К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Вып. 2, ч. 1. Томск, 2003. С. 135–146.

References

1. Tolstoy, N.I. (1991) [Language and culture (some problems of Slavic ethnolinguistics)]. *Russkiy yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity: Problems and prospects for the development of Russian studies]. Conference Proceedings. Part 1. Moscow: Russian Language Institute. pp. 5–22. (In Russian).

2. Grishanova, V.N. (1998) Rechevoy etiket govora kak element narodnoy kul'tury [Speech etiquette of the dialect as an element of folk culture]. In: *Slavyanskiy al'manakh 1998* [Slavic almanac. 1998]. Moscow: Indrik. pp. 307–311.

3. Zubova, Zh.A. (2008) Frazeologiya orlovskikh govorov kak otrazhenie mirovospriyatiya dialektonositeley (na materiale privetstviy-pozhelaniy) [Phraseology of Oryol dialects as a reflection of the worldview of dialect speakers (based on greetings and wishes)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo.* 10 (5–6 (44–45)). pp. 458–463.

4. Kuz'mina, E.B. (2012) [Greeting formulas in Pskov dialects]. *Russkiy yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language and literature in a multicultural communicative space]. Conference Proceedings. Pskov. 26–28 April 2012. Part 1. Pskov. pp. 180–184. (In Russian).

5. Zorina, L.Yu. (2012) *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Vologda dialect wishes in the context of traditional folk culture]. Vologda: VSPU.

6. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect language personality in the genre aspect]. Tomsk: TPU.

7. Ivantsova, E.V. (2011) Rechevoy zhanr potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [Speech genre of regaling in traditional folk culture]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 7. Saratov: Kolledzh. pp. 269–279.

8. Ivantsova, E.V. (2013) Text variability as a manifestation of the speech culture of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 376. pp. 14–19. (In Russian).

9. Ivantsova, E.V. (2020) The Speech Behaviour of a Dialect Language Personality in Conflict Situations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 66. pp. 26–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/66/2

10. Ivantsova, E.V. (2020) Speech Etiquette Formulas With Good Wishing Semantics in the Discourse of Speakers of Middle Ob Dialects as a Reflection of Folk Mentality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 461. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/5

11. Ivantsova, E.V. (2021) The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of the Siberian Old-Resident Village Languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/4

12. Ivantsova, E.V. (2022) Functioning of the Speech Genre of Request in the Discourse of the Dialect Language Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.*

Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 79. pp. 40–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/3

13. Demeshkina, T.A. (2022) Kul'turno-yazykovoy landshaft transgranichnogo regiona: vozmozhnosti opisaniya [Cultural and linguistic landscape of a transborder region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 7. pp. 122–126.

14. Duskaeva, L.R. & Protopopova, O.V. (2003) Rechevoy etiket [Speech etiquette]. In: *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta – Nauka. pp. 354–358.

15. Tyrnikova, N.G. (2003) *Obshchee i spetsificheski natsional'noe v rechevom etikete (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [General and specifically national in speech etiquette (based on the material of Russian and English)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

16. Formanovskaya, N.I. (1998) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: Russian Language Institute.

17. Gol'din, V.E. (1978) *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov: SSU.

18. Kuz'mina, E.B. (2012) [Greeting formulas in Pskov dialects]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language in a multicultural communicative space]. Conference Proceedings. In 2 parts. Part 1. Pskov. pp. 180–184. (In Russian).

19. Formanovskaya, N.I. (1987) *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa: Formy dobrozhelatel'nogo obkhozhdeniya. 6000 slov i vyrazheniy* [Dictionary of Russian speech etiquette: Forms of friendly treatment. 6000 words and expressions]. 2nd.edition. Moscow: AST-Press.

21. Astaf'eva, E.A. (2017) *Idiolektnyy antroponimikon kak istochnik izucheniya yazykovoy lichnosti dialektonositelya* [Idiolectal anthroponymicon as a source for studying the language personality of a dialect speaker]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

22. Sternin, I.A. (1996) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Istoki.

23. Gyngazova, L.G. (2005) Kartina mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya: naivnaya religiya [Picture of the world of the language personality of a dialect speaker: naive religion]. In: *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165.

24. Ratmayr, R. (1997) Funktsional'nye i kul'turnosopostavitel'nye aspekty pragmaticheskikh klishe [Functional and cultural-comparative aspects of pragmatic clichés]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 15–22.

25. Sternin, I.A. (2004) [Main features of Russian communicative culture]. Proceedings of the 2 International Conference *Jezyk rosyjski w przestrzeni jezykowej i kulturovej Europy i swiata: Czlowek. Swiadomosc. Komunikacja. Internet.* Warsaw. 6–9 May 2004. Warsaw: Warsaw University. pp. 32–55. (In Russian).

26. Kraynova, A.S. (2012) Soglasie i nesoglasie v russkom rechevom obshchenii: lingvisticheskiy i kommunikativnyy aspekty [Agreement and disagreement in Russian speech communication: linguistic and communicative aspects]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 4 (14). pp. 81–86.

27. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

28. Ivantsova, E.V. (ed.) (1996–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of a dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.

29. Ivantsova, E.V. (2003) K voprosu o stilevoy stratifikatsii diskursa nositelya traditsionnogo govora [On the stylistic stratification of the discourse of a traditional dialect speaker]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current problems of Russian studies]. Vol. 2 (1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–146.

Информация об авторе:
Иванцова Е.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии при кафедре русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.V. Ivantsova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023;
одобрена после рецензирования 2.10.2023; принята к публикации 6.10.2023.

The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 2.10.2023; accepted for publication 6.10.2023.